

26.04.91

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ «638»

Давно ли вы читали хорошие американские романы или смотрели настоящие фильмы? Почему-то культурный обмен между нашими двумя странами больше ограничивается уроном «Унесенных ветром», дающих о современных США такое же представление, как «Песня о буреветнике» — о нас самих. В музыке же нам в лучшем случае предлагают гастроли солидного филармонического оркестра, на которые попадет лишь десятилетняя доля от 1 проц. взрослой части населения. Или же, напротив, по всей стране, до последней деревни, вдруг гремит американский хит-парад, соответствующий подлинному положению в музыке в еще меньшей степени, чем... советский хит-парад.

Келесов В. В. Киев - 1991 - 26 июля - с. 10

Думаю, что большинство у нас все же подозревает, что в США поет не только Майкл Джексон, Мадонна и Бон Джови. Но попробуйте отыскать у нас в стране какой-нибудь диск Игги Попа — и вы быстро убедитесь, насколько мы изолированы от американской музыки... И это при том, что Игги — крупный композитор поп-рока, человек, которого считают своим прародителем многие хард- и панк-группы. Рев-гитар в его песнях — как воздух, которым жадно дышишь, но не можешь насытиться властью. Его рок-н-роллы, как вспышка, удар током.

Предлагаем вашему вниманию интервью Игги Попа, которое мы взяли из французского журнала «Энрокпобль».

...Почти год потребовался мне, чтобы немного восстановить здоровье. И когда я почувствовал себя достаточно сильным, я пустился в новый путь.

— Я видел тебя на концертах в Лос-Анджелесе. Ты играл с отличной, с настоящей группой, у меня возникло даже ощущение, что Stooges вернулись...

— Когда мы играли все эти вещи на сцене, я понял, что они получаются мощнее, чем на диске, потому что группа наша была просто великолепной. Это было для нас приятное, обогащающее выступление, и я был горд тем, что делал. Вот почему я постарался выступать везде, где это только было возможно. Мы отыграли концерты в Тель-Авиве, Афинах, Буэнос-Айресе и Осло. Мне хотелось, чтобы люди услышали ту музыку, которой я гордился.

— Сегодня ты так же страстно любишь турне? Так же остро у тебя стремление самовыражаться на сцене или тебе это несколько надоело?

— И то и другое одновременно. С одной стороны, мне действительно это необходимо. Сцена — это единственное место, где я могу себя выразить. На сцене нельзя ничего скрыть, все надо отдавать людям. В этом вся моя жизнь. Но, с другой стороны, это очень тяжелое занятие. Оно вас буквально опустошает. Меня всегда бесят эти типы, что делают диско-музыку на этих своих синтезаторах. Им-то не надо даже выступать на концертах, чтобы продавать свои пластинки, для этого у них есть телевидение.

— В одной из твоих песен есть слова: «Второсортный рок-н-ролл — это просто преступление». Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду нашу действительность, всех этих типов, что занимаются хэви-металлом, с их бессмысленно ревущими гитарами... Они пытаются выдать себя за настоящих жестких рокеров, но на деле они озабочены лишь одним — делать деньги. Ничего в их музыке не обращено к эмоциям. А некоторые из них, вдобавок, повсеместно заявляют, что прекрасно разбираются в роке. На деле же они сплошное... В наши дни рокеры сцены уже ни о чем не спрашивают публику, кроме как: «А вы довольны своими политикантами?» А перед тем, как выйти на сцену, они консультируются у своих чернокожих астрологов, чтобы те сообщили им, о чем они могут поговорить со сцены, а о чем — нет. Они — уже не человеческие существа. Ради того, чтобы заработать побольше денег, они готовы петь любую пошлятину. Все это просто приводит меня в отчаяние.

— Почему ты и сегодня продолжаешь заниматься музыкой?

— Потому что даже на том уровне, которого я достиг, я не всегда чувствую себя уверенно. Меня не оставляет чувство, что мне еще много и упорно следует работать, чтобы достичь духовного спонствования. А также обеспечить себе некоторую финансовую безопасность.

— Этого никак не скажешь о многих представителях твоего поколения. Ты сейчас, наверное, единственный, кто работает в таком темпе и выпускает по одному диску каждые два года. Остальные же, кому под сорок, уже сошли. Отдаешь ли ты себе отчет, что для грядущих поколений ты — подлинный рок-монумент?

— Да, я в общем-то это осознаю. Но самое главное, что при этом я чувствую, что я — это я, а не какой-то персонаж, сфабрикованный из разных кусков. И это делает меня счастливым. Хотя я и понимаю, что подчас в жизни вытворял довольно странные штуки, чтобы продолжать жить.

— Как отнеслись твои родители к первым дискам?

— По-моему, они были в ужасе. Но они — очень хорошие люди. И никогда не мешали мне делать то, что я хотел. Впрочем, однажды мой отец действительно пришел в ярость. Мы давали концерт в том самом городе, где он преподавал. В ходе выступления я разбил бутылку о стойку своего микрофона. Оснолки полетели во все стороны и один из них по-

ранил руку девушке, сидевшей в первом ряду. Мне пришлось срочно самому себе порезать руку, так как я понял, что сейчас публика меня линчует. После концерта полицейские сгребали меня в участок. На следующий день местная газета опубликовала подробный отчет об этом происшествии. И эту статью прочитали все — и друзья моих родителей, и мой отец, в общем — все. Отец очень разозлился. Но он был отличным человеком. Он уже не раз вытаскивал меня из тюрьмы, когда я был помоложе. Потом, позже, он даже приходил на мои концерты...

— А что произошло между 70 и 73 годом?

— Так... В общем, мы продали довольно мало дисков «Fup house». Кроме того, я начал довольно сильно тупеть. Дело в том, что во время работы над диском я «познакомился» с кокаином. В это же время я принимал немало ЛСД. От этого я дичал буквально на глазах, хотя и давал неплохие концерты. Затем какой-то наш поклонник, черт бы его подал, решил угостить нас героином. И тогда-то, моментально, вся группа за две недели стала закоренелыми наркоманами... В это время я решил несколько изменить нашу музыку. Я начал работать с Джеймсом Уильямсоном. Но у него тоже возникли серьезные проблемы из-за наркотиков — так что зависимость от них и вообще наше состояние сильно мешали творчеству. Тем не менее нам удалось совместно создать несколько хороших песен...

Однако нашей пластиночной фирме все это в конце концов надоело. Репутация у нас была просто ужасной, потому что мы все время опаздывали на концерты и на интервью. Мы были совершенно озверелыми, но не так, как те группы, которые утверждают, что они «злые ребята», а сами аккуратно приходят вовремя на интервью. Никто не влетал в такое дикое состояние, как мы.

Однажды люди из «Элентры» пришли к нам, чтобы прослушать наши новые произведения. Два часа они бродили по нашему огромному дому, пы-

я узнал позже, были братья Эштон, Рон и Скотт. Постепенно у нас вошло в привычку болтать друг с другом. Однажды Рон сказал мне, что играет на бас-гитаре. Мы пошли к нему домой и он принялся играть. Надо сказать, что басист он был просто великолепный. Брат его играл на ударных. Меня он считал за лучшего местного ударника и хотел, чтобы я подучил его. Я согласился, потому что он был слава-паренек. Ему тогда было лет пятнадцать, его брату — 18, а мне — 19.

Дело в том, что я не хотел играть с опытными, уже сложившимися музыкантами, ибо они могли подавить мои идеи. Мне были нужны люди неиспорченные. «Невинные», так как я собирался создавать свою собственную музыку. О каком-то подражательстве не могло быть и речи. Я твердо считал, что быть оригинальным — это единственный путь, который позволит добиться успеха.

— Какова была реакция на выход первого альбома?

— Э-э, весьма различная. В общем, все говорили, что в нем явный перебор всяких «штуек». В целом альбом публике не понравился. Но отдельные личности поняли его, особенно молодежь, которая почувствовала особый, животный настрой этой музыки. И напротив, истеблишмент и критики ничего не «просекли». А в общем-то на тот шум, что возник после выхода нашего альбома, мне было наплевать. По крайней мере можно сказать, что альбом этот был уникальным. А мы и предпочитали иметь мало поклонников, оставаясь весьма оригинальной группой.

— Многие хорошо помнят, как в этот период ты ходил по сцене в драных джинсах, что тогда было просто невероятным...

— Да, действительно, я был первым, кто стал так одеваться... (смеется). У меня действительно были одни джинсы, которые я просто обожал. Я надевал их на каждый свой концерт. Мне так было нужно, чтобы на концерте я был именно в них, и в никаких других. Правда, тнать на коленях быст-

ро сносила. Сначала на одном, потом на другом. В общем, когда мы записывали «Fup house» я по-прежнему носил те же джинсы, которые стали просто неприличными. Нервными были лишь верх и тнать в районе ширинки. Остальные же ноги были почти голыми. Мне очень нравилось, как выглядят мои джинсы, и совершенно не хотелось покупать новые. То же самое происходило с обувью.

— Понимал ли ты в те далекие годы, что твои диски действительно хороши?

— Да, конечно, понимал. Мы осознавали, что мы ПОЧТИ лучшие. Единственно, кто был выше нас — это Doors и Stones. Именно так. А сразу ниже шли Stooges. Остальных мы презирали, так как мы были лучше.

Как и Doors, мы ввели понятие сексуальности в свою музыку. В ту эпоху было очень важно говорить и петь об этом. Потому что молодые американцы страдали от подавления их сексуальной сферы. Физиология любви — это была запретная тема. Я считал, что очень важно открыто вести об этом разговор. Более того, я сам хотел стать сексуальным символом. Это было одним из моих сильнейших желаний. И чем больше я вправду становился таким символом, тем больше мне хотелось достичь. Моррисон и я, мы были королями секса. Даже илочки у нас были похожими. Я — «Игуана», он — «Ящерца»... И концерты обеих групп были действительно «дикими». Но не настолько, как об этом писали иные средства массовой информации. Это никогда не было каким-то терроризмом. Журналисты тут опять соврали.

— Как отнеслись твои родители к первым дискам?

— По-моему, они были в ужасе. Но они — очень хорошие люди. И никогда не мешали мне делать то, что я хотел. Впрочем, однажды мой отец действительно пришел в ярость. Мы давали концерт в том самом городе, где он преподавал. В ходе выступления я разбил бутылку о стойку своего микрофона. Оснолки полетели во все стороны и один из них по-

— Мое воспитание в общем-то происходило не в особо интеллигентных условиях, но в то же время определенные «интеллектуальные сферы» были мне вполне доступны. Интересно, что на начальном этапе я даже попытался сопротивляться этому, считая, что все это на самом деле лживо, что вся эта атмосфера искусственно создана разного рода буржуа, испытывающими недостаток в эмоциях. Но затем я понял, что смогу извлечь из такой обстановки определенную пользу для себя. Сами понимаете, когда тебе всего восемнадцать лет и ты собираешься создать свою собственную группу, ты не можешь остаться равнодушным, если узнаешь, что сегодня вечером в студенческом городке представление пьесы (кажется, Кейджа), где обнаженная женщина, со связанными ногами, будет играть на виолончели... Такие необычные зрелища способствовали развитию моего восприятия, что мне очень пригодилось в дальнейшем.

— Когда ты впервые попытался создать собственную группу?

— Еще до университета, кажется, в 1963 году. Я тогда еще учился в лицее. Я чувствовал себя тогда несчастным, оттого, что был учеником. Несчастным, когда думал о том, что всю жизнь придется ходить в костюме и лакированных ботинках на неинтересную работу... Напомню, что в те времена музыка не считалась приличным занятием в США. Снорес это было занятием для ненормальных. Тем не менее я сказал себе: «Плевать! Пусть я буду выглядеть в глазах других ненормальным, — главное, что я буду счастливи!»

— Ты сказал, что музыка не была в те времена приличным занятием, но ведь Элвис Пресли тогда был уже знаменитым?

— Нет, это не совсем так. Его действительно время от времени показывали публике, и он зарабатывал немало денег — со своими пластинками, но, тем не менее, очень многие его считали придурком. В особенности так было в пуританских северо-восточных районах США, где его просто воспринимали как какого-то дикаря. В целом же общество считало, что этот тип — подлинное посмешище. Вот почему после дальнейшего успеха Пресли появилось так много молодых красивых певцов, от которых не требовалось ничего, кроме как быть «милыми ребятами» и нравиться пуританам. В дальнейшем история показала нам, как эта самая Америка и довела Пресли. Как незадолго до конца его карьеры она усилила его образ отщепенца. И напротив, после смерти из Пресли быстро сделали нового Иисуса.

Как сейчас помню число, когда я решил полностью посвятить себя музыке. Это был прекрасный весенний день. Я сидел в классе. Желудок у меня оказался переполнен гамбургерами и жирными чипсами. Я себя отвратно чувствовал. Хотелось сбегать из класса, пойти куда-нибудь подышать воздухом. Так я и сделал. Правда, по чисто физиологическим причинам... После этого случая я занялся ударными, как занимают спортом, чтобы обрести нужную форму (смеется).

— И когда ты обнаружил, что ты хороший вокалист?

— Э, не спеши! На это ушло еще немало времени... (улыбается). Вначале результат был далеко не блестящим. Когда мы играли свои первые концерты, люди просто думали, что мы сумасшедшие. Кстати, на первом концерте у нашей группы не было даже названия.

— А как ты встретился с остальными членами твоей будущей группы «Stooges»?

— В те времена я работал в подсобке одного магазина по продаже грампластинок. Я там целый день перебирал диски. Напротив, на другой стороне улицы, находилась аптека. Из подсобки мне было видно, как рядом с ней постоянно ошивались какие-то ребята. Явно что-то искали... (смеется)... Это, как

Лондон